

Валентин Гефтер

Роберт Конквест и «Большой террор» на краю Истории

Арсению Рогинскому – с признательностью и уважением

Не следует искать специальный повод для того, чтобы вспомнить автора и тех, кому он посвятил свои исследования. Символика цифр: Роберт Конквест родился в 1917-м, выпустил свою знаменитую книгу в 1968-м, дожил до перестройки и к 70 годам закончил вторую не менее значимую книгу «Жатва скорби» об уничтожении крестьянства как класса в период сталинской коллективизации.

Страны, описанию и анализу трагической истории которой посвящены эти два замечательных тома, нет без малого как четверть века. Но раны прошлого не зарубцевались – шрамы на общей нашей совести становятся едва ли не виднее. Это понимал и чувствовал Конквест, когда в 1974 г. писал краткое предисловие к русскому изданию «Большого террора».

Вот его основные тезисы в нашей передаче:

- Без изучения этого периода в данной части света нельзя понять, как устроен современный мир.
- Полного и объективного «отчета» о второй половине тридцатых годов в СССР (с их истоками и последствиями) нет до сих пор.
- Историческая память, в том числе о жертвах террора, будет неполна без изложенной в книге летописи событий, перечня фактов, вынесенных на обсуждение всего человечества.
- Поскольку не существует никаких исторических закономерностей (нет веры в теорию исторического процесса), то России «много раз подряд просто не везло, когда "поворотные" события могли произойти гораздо лучшим путем».

Чем не программа Общества «Мемориал»? Здесь Конквест не только обозначил главное в своей работе и ее востребованность для широкой аудитории, но и упомянул, без чего невозможно понимание существа эпохи государственного террора и ее наследия вплоть до сего дня. «Остается» спросить: что изменилось в стране и мире с тех пор – изжит ли сталинизм как метод? Цель – объяснить сам феномен, не только описывая его читателю, живущему в столь изменившейся, казалось бы, обстановке. Вспомним в доступную нам теперь картину того периода. С одной ее стороны – все более пополняемая копилка фактов и документов, растущая точность описания событий тридцатых и того, что им предшествовало в советской политической истории. Изменило ли это общую картину по сравнению с той, что дана у Конквеста? Вряд ли, хотя заметно помогло уяснению тайных и явных «пружин» эпохальных процессов – громких уголовных конца 30-х и постепенного морально-политического вырождения – пусть и не в согласии с законами клячи-истории, которую загнали под секиру массового террора.

Но есть и другой акцент – на общем генезисе страны (России и СССР, каждой в свой черед), за полтора века проделавшей столько зигзагов движения по исторической траектории (если она вообще существует). И он явно трансформировался в эти годы застоя и бурных перемен, в т.ч. и во взглядах на прошлое. Понять причины этого не поможет ни плач по геополитическим катастрофам 17-го и 91-го, ни выбор любой из них «в плюс» или «в минус». Чересчур оба просты и линейны, что ли...

Здесь к месту отрывок (возможно, из разговоров «для своих») другого ровесника эпохи и ее знатока Михаила Гефтера – судя по всему, оказавшийся для него важным и итоговым, хотя с ним можно и нужно спорить. Вот его слова «в тему»:

«Этот гигантский эксперимент превращения Евразии в единое тело с направленным небуржуазным развитием, этот эксперимент принес много трупов, но он, если просчитать все перипетии, если обратить внимание не только на прямые следствия, но и на окольные, он содействовал тому, что Европа пережила и переживает ренессанс разнообразия путей развития. И мир переживает. Эта неудача, эта гигантская катастрофа, этот гигантский коллапс утопии, он привел людей к тому, что они могут заново научиться жить вместе, но по-разному. В обход русского, российского коллапса это произойти не могло. Другой вопрос, расплата. И самый трудный вопрос, в какой степени Россия может начать заново какой-то еще неисповедимый путь...».

Вернемся к предисловию Конквеста и его тезису про отсутствие закономерностей в российской истории. Вернее, про ее невезение подряд несколько раз, что наводит на мысль о другого рода закономерности или неслучайности такого хода событий. Казалось бы, это уже далеко от большого террора как предмета исследования, но...

Поиск ключевых «точек» уже не событийного плана и, тем более, не роли личностей с их культурами или немощью идет давно – как до работы Конквеста, так и после; иногда вполне показательно и убедительно. А загадки общего хода истории остаются все равно...

Задается ли он теми самыми поворотными событиями, которые так ярко описаны в книгах Конквеста? Или то, что считается точками бифуркации – непредсказуемого «перескока» сложной системы на траекторию, которая не может быть заранее даже определена как известное по своей природе явление – и есть История? По крайней мере, в ее критические моменты крутого перелома... Тогда какова же роль ее т.н. демиургов – от Ленина-Сталина до наших дней? И в чем она отлична от вкладов миллионов людей, если не везет (по словам Конквеста) в целом – и отдавшим жизнь, и потомкам тех, кто уцелел? Конечно, правду факта и память о вине и невинности (бывает ли она не у отдельного человека, а у поколений и народов?) не сотрешь ластиком умствований «общего характера». Но и вопросы – обозначенные выше и многие другие – из головы не выкинешь.

Получается, что прочтя труды хроникера-реконструктора тех событий, надолго утаенных либо извращенных известно кем и почему, обращаешься к автору уже как к поэту и писателю-фантасту. То, как написана эта его книга не менее значимо и запоминается, чем «о чем». И, может, потому-то и столь впечатляет сегодняшнего неизмеримо более знающего факты читателя... Не о том ли сказано бессмертными фетовскими словами: «Что жизнь и смерть? А жаль того огня, что просиял над целым мирозданьем и в ночь идет, и плачет уходя...».

О каком огне в нашем случае речь? Только ли о бесславном конце социалистического эксперимента в одной отдельно взятой стране размером с континент... А если о России как затухающем, гаснущем феномене мировой истории? О ее самоубийственной эволюции, в которой срывы и падения не менее значимы, чем материальные и символические успехи, даже военные победы – в сравнении с тем, какой она могла быть и не стала.

Может, именно англичанин из Оксфорда в финале имперского периода своей страны с его двумя мировыми войнами так остро воспринял наши трагедии как часть общих для всего человечества мучений и поисков? Как бы то ни было, но приходится не только пополнять карту звездного неба Истории научными данными, но и с неубывающими трудностями отвечать на вечные вопросы о природе этой рукотворной вселенной. И за это тоже громадное спасибо Роберту Конквесту и его последователям, открывшим нам многое, в том числе и в последние и не столь темные годы. Что именно?

В качестве ответа снова приведем слова Михаила Гелфера, чья мысль глубже и трагичнее предшествующих моих рассуждений.

«Когда мы говорим об истории, мы, мне кажется, не должны поддаваться такой иллюзии, что история содействует развитию личности. Это не так. История, наоборот, препятствует человеку достичь личности, она его выстраивает в колонну, она требует от него подчинения своим правилам, она стягивает его под определенные знамена, вгоняет его в определенные станы. Но человек не сводится к истории. Существует оппозирующая ему культура, существует человеческая повседневность, которую не втиснешь ни в какую историю, с какой бы большой буквы вы ее ни писали. И вот это сопротивление культуры, бытия и человеческой повседневности, эти их схватки с историей позволяют человеку в определенный момент достичь уровня личности. Чтобы побыв ею некоторое время, потерять это и возобновиться заново. Вечных личностей не существует, это миф. Индивидуальностей человеческих – в гигантском разнообразии. Но личность, которая остается сама собой и при этом открыта миру, при этом контактна со всеми людьми, как бы они ни были разнообразны, это не только немногочисленные, это какие-то поворотные, критические, кристаллические моменты человеческого развития, которые каждый раз убеждают, что у истории будет свой конец. Возможно, мы стоим на пороге того, что придется выбирать между личностью и историей. Дай бог, чтобы в пользу личности».